

Всероссийский конкурс научно-исследовательских работ студентов «Наука онлайн»

УДК 130.2

В.В. ДАЩИНСКИЙ
(vladmessia@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ВЫМЫШЛЕННЫЕ ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА «БАКЛУЖИНСКОГО ЦИКЛА» Е.Ю. ЛУКИНА*

Анализируются вымышленные города-государства «Баклужинского цикла» (Баклужино, Лыцк, Сызново, Суслов, Гоблино, Понерополь) волгоградского писателя-фантаста Е.Ю. Лукина: определяется культурная семантика, ментальная и концептуальная составляющая урбанистического образа, а также принципы конструирования топонимического пространства. Особое внимание уделяется повести «Понерополь», в основе создания которой лежит художественная обработка одной идеи М. Монтеня.

Ключевые слова: урбанистика, «Баклужинский цикл», М. Монтень, топонимическая легенда, фантастическая проза.

По словам Н.Д. Арутюновой, в художественной литературе «вторым после человека приоритетным правом на образ обладает город» [2, с. 316], который становится одним из объектов исследования не только для филологических наук (см., например, классические труды Н.П. Анциферова, посвященные проблемам урбанизма в русской и зарубежной литературе [1], традицию изучения «локальных» текстов культуры, «городских» и «провинциальных» с обязательным изучением образа города, см. [6, 15, 22], а также многочисленные ономастические исследования художественных текстов), но и для других гуманитарных отраслей: социологии, философии, культурологии и др., обращающихся к вымышленным или реальным городам в творчестве того или иного писателя в качестве иллюстрации или проверки определенных идей, концептов, методологии соответствующих наук и т. д.

«Баклужинскому циклу» (1995–2015) волгоградского писателя-фантаста Е.Ю. Лукина посвящены работы литературоведа О.О. Путило, рассматривающего жанровую природу цикла [17] и топологию вымышленного пространства [18].

Цель настоящего исследования состоит в экспликации идей и смыслов (социальных, философских, *символических*), закреплённых за образом того или иного урбанистического образа «Баклужинского цикла», в изучении метафизических аспектов города: «Метафизическое осмысление предполагает поиск ответов на вопросы: в чем же тайна города, какова его метафизическая природа? как возможен город? как должны быть устроены мир, человеческое бытие, чтобы город имел смысл и такое большое значение?» [21, с. 33]. Акцент будет сделан на описании и анализе онтологической, ментальной и концептуальной составляющей образа города. Рассмотрение городов как художественных урбанистических проектов (в преимущественном абстрагировании от субстрата города, его материальных оснований, экономических отношений) в свете поставленной цели исследования требует своей конкретизации в ряде **задач**: 1) анализ идеологии, мифологии, лежащей в основании городов (характеристика города как политико-административной системы, социально-культурного пространства); 2) выявление принципов конструирования топонимического пространства.

Итак, перед читателем «Баклужинского цикла» волгоградского писателя-фантаста Е.Ю. Лукина разворачивается галерея топонимических образов, урбанистических проектов, довольно оригинальных и аргументированных: каждый из вымышленных городов (отчасти правомерна номинация

* Работа выполнена под руководством Шипулиной Н.Б., кандидата философских наук, доцента кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

город-государство; высокий административный статус, но оставшаяся «провинциальная» сущность, своеобразные *полисы*, но жители в нём не античные граждане, а граждане-обыватели) в этом цикле обладает своими нормами и аномалиями, своей идеологией, аксиологией, идентичностью, где-то уже давно устоявшихся, а где-то ещё становящихся во внутренних и внешних конфликтах, в притяжениях и/или отталкиваниях других образцов, моделей жизнестроительства и градоформирования. Так, Республика **Баклужино** – государство с одноимённой столицей, демократическое по политическому строю (правящая партия – «Колдуны за демократию», *колдовская демократия*), находится в продолжительном историческом антагонизме (см. гл. 2 в романе «Алая аура протопарторга», 1999) с Республикой **Лыцк**, православно-социалистической формацией, борьба двух формул «православие + коммунизм» и «колдовство + демократия» (во второй под колдовством можно понимать и суеверия с неоязыческими воззрениями, от которых и зависит сила чудесничества баклужинских колдунов, тогда антагонизм будет более чётко идеологически выверен).

Мера напряжения в других государственных образованиях сосредоточена во внутренних столкновениях, политических и ценностных брожениях. В **Гоблино** (повесть «Педагогическая поэма второго порядка», 2012), которое «всегда считалось самым глухим уголком бывшей Сусловской державы» [12, с. 202] (имя города, конечно, не говорит о том, что здесь проживают гоблины или люди, которым свойственные черты этой мифической расы, скорее отсылает к местам – глухим, закрытым пещерам, где та проживает) – попытка «фэндомного» устройства, к власти по ходу развития сюжета приходят любители ролевых игр (по мотивам преимущественно фэнтезийных книг: толкинисты и др.), приходит *сообщество*, с которыми раньше активно боролись, особенно в области школьного образования: выпускались брошюры «Как узнать, не вовлечен ли ваш ребенок в ролевые игры?». Полигоны *Нуменор-3*, *Нуменор-4* в произведении – «точки сборки» ролевого сообщества, места легального проведения игр, которые в ходе повествования охватят и другие локации.

Игра первого порядка – это игра по реальности, претворённой в художественной литературе («литература вторична по отношению к жизни. Ролевая игра – по отношению к литературе» [Там же, с. 175]), игра второго порядка – ролевая игра (в произведении *игрой второго порядка* один из персонажей определяет такую игру, в которую включают любых людей, при этом не оповещая их о том, что они стали её участниками), которая, как замечает рецензент повести, ролевик В. Гончаров, постепенно «трансформируется, превращаясь в этот первый порядок; люди играют уже не по литературе [а по жизни], игра сама становится художественным произведением» [5, с. 244]. Иницилируемая борьба за власть в Гоблино – это борьба игр, в которые играют люди, игр первого (реальность) и второго (виртуальность) порядка, условно говоря политическое сообщество борется с ролевым сообществом.

Не живущие, подобно гоблинам в пещерах, горожане всё же рискуют остаться без солнечного света (не в буквальном понимании), коль скоро грань между игрой и реальностью стирается. Как говорит один из героев повести, все «бегут от унылого вранья жизни в яркое враньё игры» [12, с. 176]. Впрочем, не является ли это «ролевое» помутнение сознания фактом поэтики, а не клиники? Предпосланный к гл. 8 с интертекстуальным заглавием «Игра в классики» эпиграф из стихотворения В. Брюсова «А мы, мудрецы и поэты, / Хранители тайны и веры, / Унесем зажженные светлы / В катакомбы, в пустыни, / в пещеры //» варьирует перспективу ответа на этот вопрос (или же, напротив, плеонизирует вопрос), правда, по-прежнему, не давая единственный и верный: «гоблин», разыгрывая мудреца или поэта или любого другого персонажа из классической и массовой литературы (а не разыгрывать в государстве нельзя, ведь, по словам завуча Клары Карловны, «выпасть из игры – все равно что выпасть из общества» [12, с. 209] и её же аргумент к авторитету: «Классик сказал: “Что наша жизнь? Игра!”» [Там же]), несёт *свет* к себе в пещеру (спасая его от гуннов, как в стихотворении В. Брюсова, или невежества, в целом от грубости, пошлости, лживости или скуки окружающего мира), чтобы видеть/ прозревать или ослепнуть? Если и слепота, то это необязательно простое бегство от действительности, вид эскапизма, хотя для многих жителей города уход в игру и вправду форма внутренней эмиграции (эмиграция как литературный приём?), обеспечивающей более комфортное существование, уход в игру служит способом создания иной действительности, что замечает один из рецензентов повести.

Homo ludens во главе государства интерпретирует, проблематизирует и понимает мир в категориях игры, выбирает игру как принцип существования, и тогда перед нами классическая проблема: срастаясь с таким принципом, человек теряет возможность «выхода из игры», вернее, теряет уверенность в том, что перед ним действительно выход, а не переход на другой уровень игры. «Людензация» окружающей реальности, таким образом, грозит обернуться дурной бесконечностью, эпистемической слепотой: «–Та-ак... А сколько уровней всего? – Откуда ж мне знать! – искренне удивился Петр Маркелович. – Я ж не Господь Бог, я всего лишь замминистра» [12, с. 241].

Республика **Сулов** (повесть «Чушь собачья», 2003) – бывший райцентр Суловской области, ныне, после её распада, ещё одна новаяявленная суверенная держава, в отличие от других испытывавшая комплекс неполноценности от незавершившегося поиска собственной идентичности: «Безликие мы, Гарик! Возьми Баклужино, Сызново... Про Лыцк я уже не говорю. Да! Бывшие районы Суловской области! Но у каждого свое лицо, свой нрав... А мы? Вечно под кого-то косим, вечно кого-то лижем!» [14]. Переходит ли количество копированного, заимствованного у других в качество? И если жители Гоблино «эмигрировали» в игру, «переключали» режим жизни с неигрового на игровой (и грань между таким переходом не всегда была чётко выражена), оставаясь при этом в рамках антропологических семиотик и практик, то для суловцев отношения с реальностью породили необходимость в иных метаморфозах: поворот от человеческого к собачьему, от homo к canis, от двуногого к четвероногому, такой поворот сопровождался меной когнитивных и поведенческих установок, переключением со второй сигнальной системы на первую. В пространстве работы необходимо быть собакой, в пространстве дома – человеком. Этот поворот не ставит цель трансформировать или разрушить горизонталь и вертикаль властных структур (они остаются!), скорее его можно считать обнажением, визуализацией ментальных особенностей человека, его привычек к подчинению, нереклексивному мышлению и т. д., но и этим не исчерпывается смысл суловской метаморфозы. Коллективная городская идентичность складывается в рефлексии взаимоотношений человека и животного: «Да почему же мода?.. – взволнованно щебетала в ответ экскурсоводша. – Это образ мышления! Суловская наша Идея! Вера в то, что каждый, ставший на четвереньки, способен достичь успеха! Журналисты даже слово такое придумали: мировоззверие...» [Там же].

Республика **Сызново** (повесть «Лечиться будем», 2008) – психиатрический урбанистический проект. Лексема *сызнова*, положенная в основу названия города (и грамматически выравненная для единообразия топонимических моделей: Баклужино, Гоблино, Сызново) в словаре определяется 'снова, опять' [20, с. 325]. После распада Суловской области жители Сызново *опять* начинают жить по-новому, сменив одну диктатуру – суловскую клептократию с триадой «Православие. Прокуратура. Президент» – другой, *психиатрической*: жители города выбрали главой государства доктора Безуглова, недавно выпущенного из психиатрической больницы, который вскоре поставил сверхзадачу «вылечить всех» (точнее закодировать) от «алкоголизма, табакокурения, наркозависимости, патологической ревности и (слушайте! слушайте!) склонности к супружеским изменам» [11], от депрессии иронической, от патриопатии, от конституционной глупости и других психо-политических заболеваний. С этой задачей он во многом справляется, а незакодированные им собираются в ресторанчике с оппозиционным и аллюзивным названием «Последнее прибежище», где ведут политические споры под присмотром здравоохранительных структур. Психиатрические диагнозы отражаются в урбанистике города: больничный комплекс «Эдип», торговый комплекс «Электра», проспекты Поприщина, Батюшкова, Чаадаева – фигур, которые вошли в «то смысловое поле, из которого нет исхода» [23, с. 31] (для первых двух – это факт медицинский, а последний был объявлен безумным за свои сочинения).

Особый интерес представляет вымышленный город, представленный автором в повести «Понерополь» (2015 г.). Ономастический комментарий к произведению, в особенности заглавному топониму, а также краткую историю ономастической легенды мы дали в статье [7]. Напомним, что **Понерополь** – столица одноимённого суверенного государства в «Баклужинском цикле» Е.Ю. Лукина, к власти которого пришла преступная группировка, чьи знаки явного присутствия в повести практически отсут-

ствуют. Этимологическое значение топонима следующее: др.-греч. *πονηρός* ‘1) негодяй, мошенник, плут’ [8, с. 1353], др.-греч. *πόλις* ‘город’ (Ср. Симферополь, Тирасполь, Ставрополь; эллинизированное окончание наименования столицы) ☉ *город негодяев*. Смотритель местного краеведческого музея, Аверкий Проклович Раздрай, раскрывая главному герою Власу Чубарину биографию города (а также знакомя с правилами и практиками городского общества) цитирует «Опыты» М. Монтеня (главу «О суетности»): «Старичок вновь откинулся на стуле, прикрыл глаза и принялся шпарить наизусть: – “Царь Филипп собрал однажды толпу самых дурных и неисправимых людей, каких только смог разыскать, и поселил их в построенном для них городе, которому присвоил соответствующее название – Понерополис...” Город негодяев, – любезно перевел он» [13, с. 193]. Произведение волгоградского писателя-фантаста – это художественная интерпретация размышлений, вернее, высказанной идеи (послужившей мотивом к созданию повести) французского философа М. Монтеня, возникшей по поводу одной ономастической легенды Плутарха (в свою очередь, взявшего её из трудов Феопомпа): «Полагаю, что и они [сосланные в город – *В.Д.*] из самих своих пороков создали политическое объединение, а также целесообразно устроенное и справедливое общество» [16, с. 604].

Понерополю Е.Ю. Лукина – «бандитское государство» (с точки зрения Лыцка), город преступного умысла и ремесла (и в этом смысле это тематическое единство профессиональных занятий можно отчасти считать за монофункциональность города, по крайней мере на ранних периодах своей истории он был монофункциональноподобным: «Наш – крайняя точка... Форпост. Фронтир» [13, с. 226]), единственно возможного для всех жителей. В качестве исключения горожане могут получить т. н. отмазку, дающую право заниматься, с точки зрения понеропольской этики, честным и законным трудом, таковы, например, работа смотрителем музея или кассиром на автовокзале. О городе рассказывает незапно оказавшемуся в нём Власу Чубарину музейный смотритель, коренной житель Аверкий Проклович. Через испытание «культурного шока», нарратив музейного сотрудника, в дискуссиях с ним, а также в общении с жителями главный герой получает представление о Понерополе, заодно проверяя на жизнеспособность тезис об изначальной обреченности государства, сознательно насаждающего преступность.

На какой аксиоматике в сфере этики и идеологии зиждется существования города? Это следующие эксплицированные Аверкием Прокловичем в повествовании о городе идеи, например, (1) под социологическое/политическое основание подводится такая идея: «Но только Понерополю смог совершить такой скачок в будущее, разом слив государственные и уголовные структуры, так сказать, в единую банду...» [13, с. 235], результаты этого сплава обнаруживают себя в существовании таких понятий (нередко оксюморонных, оксюморонность заключена в несовместимости этических оценок), явлений, процессов, как налоги на кражу разбой, аферу, взлом, взятку и т. д., клептонадзор, высшее криминальное образование, жертвы справедливости, беспощадное добро, лечение правозависимости и т. п.; (2) под философское основание подводятся следующие положения: «Зло ничем не уступает добру в качестве сырья для государства, а в смысле количества намного его превосходит. Истинно мудрые правители знали, что опираться следует на людские пороки, потому что на людские добродетели толком не обопрёшься.» [13, с. 228], «Зло не может творить добро, но оно вынуждено его культивировать» [Там же]. Также вполне уместно говорить о таких принципах, как, во-первых, «переворачивание смысла бинарных оппозиций» [19, с. 126]: так, порок – это добродетель, преступность есть порядок (а порядок это преступность), её необходимо поддерживать на должном уровне (поддерживают её, например, через *салочки* – практики, в процессе которой необходимо осалить – сдать оружие и амуницию – жителя города, уличённого в отлынивании от криминальной деятельности; тот, кто осаливает, выступает «в образе “гейткипера”, связывающего правила и практики» [4, с. 201], роль эта непостоянная), и *преступать* нужно честно, следуя понятиям, которые суть «те же моральные нормы» [13, с. 229]; во-вторых, инверсирование аксиологических оценок в концептах, в исторически корректных интерпретациях тех или иных событий, образов: к примеру, социальная практика *крестинады* – благотворительность за чужой счёт, супружеская измена – это хорошо, неизмена же – плохо, своровать, соблазнить, когда есть такая возможность, обязанность каждого, за неиспользование подобных шансов стоит

ожидать негативных последствий; на одном из плакатов, встретивших Власа, как только он оказался в городе, был изображён молодой человек с длинными волосами и терновым венцом на челе: «Был сопричислен к разбойникам», – скупое гласила надпись» [13, с. 207], в ином лексическом составе, но с сохранением смысла – «и к злодеям причтен» – говорилось в «Евангелии от Луки» (Лука 22:37; синодальный перевод) об Иисусе Христе, понимание слов Луки, а также богословско-экзегетического комментария к этому выражению: «То есть Иисус иронически представлен как государь разбойников (мятежников). Но евангелист видит в этом не иронию, но исполнение пророчества...» [9, с. 391] редуцируется до *буквального* (ирония снимается), евангельский смысл эпизода переинтерпретируется в таком ключе, какой бы соответствовал духу Понерополя. В целом оба принципа демонстрируют отчуждение между означаемым и означающим.

Понерополь противопоставляется Аверкием платоновскому *Аристокполису*, вероятно, это и аллюзия на одноимённое государство из романа «Аристономия» Б. Акунина, вышедшего в 2012 г., современная исследовательница пишет, что помимо утопического Аристокполиса, в «тексте романа присутствует ещё несколько проектов идеальных обществ» [22, с. 168] (отметим подзаголовок повести Е.Ю. Лукина – «попытка утопии»).

С ещё одним нарративом о Понерополе Влас знакомится в диалогах с уголовным эмигрантом Вованом, персонажем, сетующим на реально наблюдаемое в жизни города: на жителей, получивших высшее криминальное образование, но неработающих по специальности, отсутствие риска, азарта в незаконных делах, поскольку дисциплинарная власть исчезла, а *понятия*, действуя вместо *законов* и их институциональных репрезентаций, и находясь *вне* привычной оппозиции с последними или другими, становятся хотя и действенным (в том смысле, что жизнь по ним возможна не только на уровне сообщества, но и на уровне общества), однако в большей степени формальным (соблюдение внешней стороны дела в ущерб существу) инструментом регламентации поведения в общественной жизни. С исчезновением закона ушла и селекция преступного: нечего бояться, если «отбора нет! Понимаешь? Отбора!.. Откуда тут реальные пацаны возьмутся?» [13, с. 210]. Всё это, по словам беглого баклужинца, негативно сказывается на качестве социального целого, на воспроизводстве *качественных* правонарушителей: «Процента два населения честно воруют, а остальные... – безнадежно махнул рукой [Там же, с. 212] (своеобразная идентичность на полставки). Перефразируя знаменитое высказывание Вито Корлеоне из «Крёстного отца», логику претензий Вована можно сформулировать следующим образом: «Ты совершаешь преступление, но совершаешь его без должного уважения» [без уважения к преступному ремеслу, непрофессионально]. Слияние государства и криминалитета, таким образом, диагностируется этим персонажем как роковое для последнего.

В массовой культуре довольно много примеров государств, «славившихся» преступностью, однако беззаконие не было их постоянной сущностью, а проявлялось либо в какие-то исторические периоды, либо страна/город/район называлась преступными или опасными из-за присутствия в них криминализованных структур: образ бандитского Петербурга; Готэм-Сити – город из комиксов о Бэтмене; Бэйсин-Сити («Город грехов») – из цикла графических новелл американского писателя Фрэнка Миллера; «Страна негодяев» С.А. Есенина; город Шикас – (роман «Город негодяев» писателя-фантаста Р.Д. Мэддокса), город-гетто Люкс из аниме-сериала «Технолайз» (2003; режиссёр Хироси Хамасакки), центры пиратства Нового времени (исторический Тортью) и др. В отличие от них, Понерополю Е.Ю. Лукина преступность имманентна, социальные практики жителей, правила поведения в городе этимологически детерминированы.

Перечисленные выше топосы можно разделить на две группы: (1) вненациональные (типичные), (2) национальные изводы вненациональных. Например, несмотря на то, что *Понерополь* Лукина вписан в альтернативную географию, отчасти и историю российского государства (путь от форпоста в империи Македонского до независимого государства после распада России), про него нельзя сказать, что это его естественные географические и национальные координаты, что именно в этой стране только и возможен такой город (подобный город или меньшая административно-территориальная единица возможны *везде и всегда*), о типичности политических метаморфоз говорит один из персона-

жей: «Поговаривали, будто поначалу, то есть сразу после распада области на суверенные государства, в Понерополе царили законность и порядок, а потом к власти пришла преступная группировка. Однако так, согласитесь, можно выразиться о любой стране, пережившей внезапную смену политических ориентиров. Тут всё зависит от точки зрения» [13, с. 189]. Изначально не являясь частью российской истории, а затем пройдя этапы имперской и советской хронологии, жители города вернулись к конструированию и поддержанию своей идентичности, своего самоопределения через отсылку, *возврат к своим античным истокам* (как подчёркивает смотритель музеев, это не «новодел», лагерно-тюремная субкультура), соответственно и практикам *преступления* через закон, генеалогии морали, от которых отказался другой упомянутый в повести подлинный Понерополь (именующийся ныне Пловдивом, реальный город в Болгарии): «В чём главная наша заслуга? – Аверкий Проклович обернулся и вперил взор в молодого экскурсанта. – Мы создали государство не из того, что должно быть, а из того, что было... Было, есть и будет!» [Там же, с. 235]. Сравните, например, с *Блатском* Д. Быкова из романа «ЖД» (2006), в названии города которого уже зафиксировано понятие, укоренённое в российских условиях жизни, в ментальном лексиконе – «блат». Понерополь и Блатск соотносятся между собой как род и вид, отношения уже отмечены в семантике названий ‘город негодяев/ плохих людей’ и ≈ ‘город блатных/ город блата’ («... Блатск стал Меккой российской блатоты» [3, с. 403], которая является правящей элитой, преимущественно уголовной, города); *блатной* – видовая реализация *плохого/негодяйского*).

Подведём итоги: «Баклужинский цикл» волгоградского писателя-фантаста Е.Ю. Лукина представляет собой серию городов-государств, строящих «свою модель “идеального общества”, которая сатирически переосмысливается автором» [17, с. 433]. По каким принципам автор конструирует города в художественном пространстве рассматриваемого цикла, какие «комплектующие» входят в «модель для сборки» города? Во-первых, идея города (или сплав идей, оксюморонных, парадоксальных, гротескных или иных), т. е. определённая идеологема, докса, культурема – концептуальная конструкция (комбинирование), которая, с одной стороны, должна быть несколько фантастичной, чтобы вписываться в урбанизм *фантастической* прозы, с другой стороны, *опознаваемой*, т. к. чрезмерная «фантастичность» (или утопичность/антиутопичность) скорее вредит *узнаваемости* (если только она предполагалась автором). В образе города, созданного автором, читатели могут *узнавать* черты определённого государственного образования, вспоминать, подыскивать аналогии, прецеденты, заимствования, источники авторского вдохновения. Во-вторых, тематически однородная и интертекстуальная топонимия, подчёркивающая эту идею (аллюзивный принцип создания урбанистического пространства). Этот параметр касается номинативной техники писателя. В-третьих, набор художественных операций с социологическими категориями: общество, сообщество, социальное пространство, городские практики, коммуникация и пр.

Первый и третий параметр будут обуславливать, даже навязывать (а) сюжет произведения, (б) возможную проблематику (социально-культурную, философскую, идейно-нравственную и др.). Маркер проблематизации – вопрос «а что если?»: Что если, например, к власти придут ролевики/ колдуны/ психотерапевты/ ... ? Что в этом случае будет представлять собой город, как изменятся представления о нём и т. п.? Ответ на эти вопросы – представленные в художественном цикле города-идеи.

Литература

1. Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. Составление, подготовка текста, послесловие Д.С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Быков Д. ЖД: поэма. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021.
4. Вахштайн В. Воображая город: Введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
5. Гончаров В. Зачем мы играем? // Если. 2012. № 7. С. 243–247.
6. Город // Антология художественных концептов русской литературы XX века / ред. и авт.-сост. Т.И. Васильева, Н.Л. Каппичева, В.В. Цуркан. М.: Флинта: Наука, 2013.

7. Дашинский В.В. О семантическом шлейфе топонима Понерополь в одноимённом произведении Е.Ю. Лукина // Орбиты Содружества: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (г. Волгоград, 23 мая 2022 г.). Волгоград: Фортессе, 2022. С. 222–234.
8. Древнегреческо-русский словарь: Ок. 70 000 слов. Т. 2 / сост. И.Х. Дворецкий / под ред. С.И. Соболевского. С приложением грамматики, составленной С.И. Соболевским. М.: ГИС, 1958.
9. Ивлиев И. Евангелие от Марка: богословско-экзегетический комментарий. М.: Изд-во ББИ, 2019.
10. Камратова М.А. Утопические теории в романе Акунина-Чхартишвили «Аристония» // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 166–170.
11. Лукин Е.Ю. Лечиться будем. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/lechitsya-budem-read-99939-5.html> (дата обращения: 15.12.2022).
12. Лукин Е.Ю. Педагогическая поэма второго порядка // Если. 2012. № 7. С. 157–242.
13. Лукин Е.Ю. Понерополь // Спасти человека: Лучшая фантастика 2016 / Составитель А. Синицын. М.: Издательство АСТ, 2016. С. 176–247.
14. Лукин Е.Ю. Чуть собачья. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/chush-sobachya-read-30697-5.html> (дата обращения: 15.12.2022).
15. Люсьи А.П. Русская литература как система локальных текстов: автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. Вологда, 2017.
16. Монтень М. Опыты: [сборник пер. с фр.]; пер. А.С. Бобовича, Ф.А. Коган-Бернштейн, Н.Я. Рыковой. М.: Изд-во АСТ, 2020.
17. Путило О.О. Жанровое своеобразие фантастической прозы Е. Лукина // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв.: колл. моногр. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 427–436.
18. Путило О.О. Топология вымышленного пространства «Баклузинского цикла» // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2019. № 1(134). С. 227–231.
19. Руднев В.П. Словарь культуры XX в. М.: Аграф, 1999.
20. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1988. Т. 4.: С–Я.
21. Философия города / В.В. Афанасьева, А.Г. Лазерсон, С.П. Позднева [и др.], под ред. В.В. Афанасьевой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2012.
22. Фоменко В.Г. Поэтика города: генезис, национальные векторы развития в художественной прозе XIX века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Донецк, 2020.
23. Эпштейн М.Н. Безумие // Первопонятия: Ключи к культурному коду. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. С. 31–47.

VLADISLAV DASHINSKIY
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE FICTIONAL CITIES-STATE OF THE “BAKLZHINSKY CYCLE” BY E.YU. LUKIN

The article deals with the analysis of the fictional cities-state of the “Baklzhinsky cycle” (Baklzhino, Lytsk, Syznovo, Suslov, Goblino and Poneropol) of the Volgograd fantast writer E.Yu. Lukin: the author defines the cultural semantics, the mental and conceptual component of the urbanistic image and the principles of constructing the toponymic space. There is emphasized the story “Poneropol”, that is based on the fictional interpretation of one of the ideas of M. Montaigne.

Key words: *Urban Studies, “Baklzhinsky cycle”, M. Montaigne, toponymic legend, fantastic prose.*